

УДК 81'37(=512.36)
DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-28-37

Лексика материальной культуры в памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи»

Е. В. Сундуева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Рассматриваются наименования отдельных предметов материальной культуры, представленных в указе об атрибутах эскорта маньчжурского правителя Хун Тайчжи для праздничной церемонии, проводимой в честь пожалования ему титула «Всемилоостивейший миролюбивый Богдо-хан» в 1636 г. Указ содержится в письменном памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи», опубликованном на старописьменном монгольском языке в 2013 г. в Хухэ-Хото (КНР). Выявлено, что номинация ряда предметов из указанного в памятнике перечня происходила на основе зрительного восприятия их формы, а также слухового восприятия производимого ими действия. Так, наименования таких предметов материальной культуры, как *sarqalji* 'посох-булава', *jida* 'копье' отсылают к образу 'нечто остроконечное', *baybur* 'чаша' к образу 'нечто приземистое', *longqu* 'бутылка' к образу 'нечто пузатое', *qubing* 'кувшин' к образу 'нечто узкое (о горлышке)', *manjilya* 'бахрома' к образу 'нечто длинное, висячее'. Впервые предложены этимологии слов *sayaday* 'колчан' от преверба **saya* [*tata-*] 'выхватывать', *manjilya* 'бахрома' и др. Номинация *tuγ* 'знамя' произошла на основе слухового восприятия развевающегося флага. В перечне представлены заимствования из китайского языка и санскрита. Анализ китайских вариантов лексем показал, что в некоторых случаях их значение отличается большей точностью. Рассмотрение сложных слов показало в целом сходный механизм номинации отдельных предметов материальной культуры в монгольском и китайском языке XVII в. Использование в тексте китайского варианта источника лексемы 撒帶 *sā dài*, представляющей собой транслитерацию монгольского слова *sayaday* 'колчан', может свидетельствовать о значимости монгольской культуры в жизни двора маньчжурских правителей. Монгольский язык, в свою очередь, заимствует некоторые элементы из китайского языка, которые используются в качестве пояснения к основному компоненту сложного слова. Результаты, полученные при рассмотрении слов, обозначающих элементы материальной культуры, демонстрируют неповторимость и оригинальность монгольского языка в плане отражения действительности.

Ключевые слова

старописьменный монгольский язык, материальная культура, лексика, семантика, номинация, звуко-символизм

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-59-94006 МОКНМ «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси» (по материалам памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи»)

Для цитирования

Сундуева Е. В. Лексика материальной культуры в памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 28–37. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-28-37

© Е. В. Сундуева, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 4

Lexis of Material Culture in the Monument “Truthful Record about of the Mongols of the Qing Empire”

Ekaterina V. Sundueva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

The paper deals with the names of some items of material culture presented in the decree on attributes of an escort of the Manchurian governor Hung Taiji for the festive ceremony held in honor of granting him the title ‘Gracious Peaceful Bogdo-Khan’ in 1636. The decree is presented in the written monument “Truthful record about Mongols of the Qing Empire” published in Classic Mongolian in 2013 in Huhe-Hoto (People's Republic of China). It is revealed that naming of a number of objects under study was based on visual perception of their form and acoustical associations their action produced. So, names of such pieces of material culture as *sarqalji* ‘staff mace’, *jida* ‘spear’, etc. are connected with the image ‘something peaked’, *baybur* ‘bowl’ with the image ‘something stocky’, *longqu* ‘bottle’ with the image ‘something big-bellied’, *qubing* ‘jug’ with the image ‘something narrow (about a neck)’, *manjilya* ‘fringe’ with the image ‘something long, trailing’. Etymologies of the words *sayaday* ‘quiver’ from a preverb **saya* [tata-] ‘to snatch out’, *manjilya* ‘fringe’, etc. are presented for the first time. The naming of *tuy* ‘banner’ occurred on the basis of acoustical perception of its fluttering. The list contains loanwords from Chinese and Sanskrit. The analysis of the Chinese variants of lexemes showed that in certain cases their meaning is more precise, than that of Mongolian words. Consideration of compound words revealed a similar mechanism of naming process for some other pieces of material culture in Mongolian and Chinese of the 17th century. In the Chinese variant of the monument the word 撒带 *sā dài* is a transliteration of the Mongolian word *sayaday* ‘quiver’. It demonstrates the importance of the Mongolian culture in the life of the Manchurian emperors’ Court. Mongolian, in turn, borrows some elements from Chinese which are used as an explanation to the main component of a compound word. So, the consideration of the etymology of the words designating elements of material culture showed some specificity of Mongolian in the way it reflects both real and mental worlds.

Keywords

Old written Mongolian, material culture, lexis, semantics, nomination, sound symbolism

Acknowledgements

The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-59-94006 MOKHM “The history and culture of Mongolian people during the reign of the Kangxi Emperor (on material of *True records about the Mongols of the Qing Empire*)”

For citation

Sundueva, Ekaterina V. Lexis of Material Culture in the Monument “Truthful Record about the Mongols of the Qing Empire”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 28–37. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-28-37

Введение

Исторический памятник «Правдивые записи о монголах Цинской империи» (п.-монг. *Dayičing ulus-un mongγul-un maγad qauli*) был издан в шести томах в 2013 г. на старописьменном монгольском языке в г. Хух-Хото автономного района Внутренняя Монголия КНР. Он представляет собой выдержки из монгольской версии «Правдивых записей о правлении династии Цин», касающиеся монголов и событий, связанных с монголами. Материал охватывает сведения о выдающихся монгольских военных и гражданских чиновниках, о жаловании и передаче титулов, возвышении и понижении, доставке ежегодной дани и пр. Лексика материальной культуры, включающая наименования одежды, тканей, посуды, упряжи и пр., обильно представлена в перечне наград за доставку дани. Она, безусловно, хранит информацию о наиболее важных составляющих системы жизнеобеспечения этноса. Также в памятнике содержатся специальные указы о ношении придворной одежды, головных уборов, поясов, а также о правилах для эскортов императора, ванов, нойонов, гунов и др.

Результаты исследования и обсуждение

В день красной (улаагчин) свиньи первого летнего месяца 10 года правления Сэчэн-хана (1636 г.) сановниками государственной канцелярии был испрошен указ о подготовке эскорта к праздничной церемонии по поводу пожалования Хун Тайчжи титула «Ахуда-орушиегчин-найрамдагу-богдо-хаган» (п.-монг. *aquda örüsiyegči nayiramdayu boyda qayan* 'всемилошвейший миролюбивый Богдо-хан'). Церемония состоялась в честь того, что сын Лигдэн-хана Эджэй передал ему нефритовую печать императоров династии Юань, в результате чего Хун Тайчжи обрел статус верховного хана. В данном указе представлено большое количество названий реалий материальной культуры, значение которых, как отметил в беседе главный редактор памятника Бао Шань, представляет трудность даже для носителей монгольского языка и требует сопоставления с китайским вариантом.

После обсуждения ванами и сановниками деталей церемонии был утвержден список вещей, необходимых для эскорта, и их количество (см. таблицу).

Перечень атрибутов для эскорта
List of attributes for Escort

№	Язык			Количество
	старописьменный монгольский	китайский	русский	
1	<i>altan sandali</i>	金漆椅 <i>jīn qī yǐ</i>	золотой трон	1
2	<i>altan iseri</i>	金漆机 <i>jīn qī wù</i>	золотой табурет	1
3	<i>ilay-a ürgegekü sirbigül</i>	蝇拂 <i>yíng fú</i>	мухогонка	4
4	<i>nilbuqu altan baybur</i>	金唾盒 <i>jīn tuò hé</i>	золотая плевательница	1
5	<i>altan qubing</i>	金壶 <i>jīn hú</i>	золотой кувшин	1
6	<i>usu kikü altan longqu</i>	贮水金瓶 <i>zhù shuǐ jīnpíng</i>	золотая бутылка для воды	1
7	<i>altan čar-a</i>	金盆 <i>jīn pén</i>	золотая тарелка	1
8	<i>küjün-ü külis</i>	香炉 <i>xiānglú</i>	курильница	2
9	<i>küjün-ü baybur</i>	香盒 <i>xiānghé</i>	фиал для благовоний	2
10	<i>murui esitü sikür</i>	曲柄伞 <i>qūbǐng sǎn</i>	зонт с изогнутой ручкой	1
11	<i>siduryu esitü sikür</i>	直柄伞 <i>zhí bǐng sǎn</i>	зонт с прямой ручкой	4
12	<i>naran-u qalqabči</i>	扇 <i>shàn</i>	ширма	2
13	<i>manjily-a</i>	节 <i>jié</i>	бахрома	4
14	<i>mögülig sarqalji</i>	星 <i>xīng</i>	посох-булава	2
15	<i>bosyaysan kemken bilayu</i>	立瓜 <i>lì guā</i>	посох с вертикальной головкой в виде тыквы	2
16	<i>kebtégülügen kemken bilayu</i>	卧瓜 <i>wò guā</i>	посох с горизонтальной головкой в виде тыквы	2
17	<i>u jang sidem</i>	吾杖 <i>wú zhàng</i>	посох учжан	6
18	<i>hung jang sidem</i>	红杖 <i>hóng zhàng</i>	посох хунчжан	4
19	<i>dam ildu</i>	大刀 <i>dàdāo</i>	меч с длинной рукоятью	6
20	<i>urtu serbegetü jida</i>	长戟 <i>chángjǐ</i>	клевец	6
21	<i>sayadaγ</i>	撒带 <i>sā dài</i>	колчан	6
22	<i>tuy</i>	纛 <i>dào</i>	штандарт	6
23	<i>kikiri</i>	旗 <i>qí</i>	флаг	10

П.-монг. *iseri* ‘скамейка, табурет’ [Kowalewski, 1844. Р. 283], монг. *исэр* ‘табурет, табуретка’, по мнению О. Сүхбаатара, является заимствованием из китайского языка 椅子 *yǐzi* ‘стул’ [Сүхбаатар, 1997. С. 117]. Монгольское определение *altan* имеет значения ‘золотой; золотистый’ и может быть истолковано как ‘сделанный из золота’, в то время как китайское определение более точно: 金漆 *jīn qī* ‘покрытый золотистым лаком’. П.-монг. *sandali* ‘стул, седалище, трон’ [Kowalewski, 1844. Р. 1287], монг. *санда*, бур. *хандали* ‘сидение, скамейка’, вероятно, восходит к образному корню **sand*, давшему бур. *хандай* ‘скамья, лавка’, *хандайбиша* ‘небольшая табуретка’, *хандайл-* ‘сидеть на сидение или на скамейку’. Значение корня выводимо из глагола бур. *хандагаша-* ‘слоняться без дела – о человеке с выпяченным задом’ [Бурятско-русский словарь, 2008. С. 549], который коррелирует с глаголом хондогашо- ‘двигаться, покачиваться при ходьбе – о заде человека’, а также хондогор ‘выдавшийся, выпяченный – о заде человека’, хондой- ‘быть выпяченным, выпячиваться – о заде’ и пр. Возможно, образный глагол *sandai-* означал ‘сидеть на ровной плоской поверхности’ в отличие от *бохирч суу-* ‘сидеть согнув ноги’, *завилж суу-* ‘сидеть скрестив ноги’. Н. Л. Жуковская отмечает: «Монголы могут сидеть где угодно, совершенно не нуждаясь ни в стульях, ни в скамейках. Чаще всего они сидят просто на земле или на полу в юрте» [Жуковская, 2002. С. 146].

П.-монг. *ilay-a ürgegekü sirbigül* состоит из определения, представленного *ilay-a* ‘муха’ и *ürgegekü* ‘встревожить, заставить подняться’. П.-монг. *sirbigül* ‘волосяная махалка, мухогонка; метла, тряпка’ образовано от глагола *sirbi-* ‘сметать, стирать’ [Kowalewski, 1844. Р. 1531], монг. *ширвэ-* ‘мотать, хлестать; мести’. Данный глагол был отнесен нами к группе глаголов, значение которых относится к мануальной (ручной) сфере деятельности. Они, как правило, отсылают к образу растопыренных, вытянутых на всю длину рук человека, в ряде случаев ног животных: п.-монг. *čarba-* ‘хватать, ловить рукой; руками и ногами действовать в борьбе’, монг. *царва-* ‘поднимать вверх руки или ноги; отмахиваться; хватать’; п.-монг. *sarbayi-*, монг. *сарвай-* ‘протягиваться, растопыриваться’, бур. *харбай-* ‘протягивать руку (или что-л. в руках)’, п.-монг. *čerte-*, мо. *цэрмэ-* ‘выбивать корм (о скоте, добывающем корм из-под снега), п.-монг. *sirba-*, монг. *шарва-*, бур. *шарба-* ‘махать, хлестать (хвостом), вилять’; баргуз. *гараараа шарбаада-* ‘размахивать руками’. Китайский вариант состоит из двух существительных: 蝇 *yíng* ‘муха’ и 拂 *fú* ‘метелка’.

П.-монг. *nilbuqu baybur* ‘плевательница’ имеет определение в форме причастия будущего времени *nilbuqu* ‘плевать’. В словаре О. М. Ковалевского дано значение *baybur* ‘плетеный ящичек с дверцами на боку’, *öčiken baybur* ‘жертвенная чаша’ [Kowalewski, 1844. Р. 1088], монг. *багвар* ‘1) ваза (напр. для конфет); 2) судок; 3) чашка, пиала; 4) род курильницы’. Очевидно, существительное восходит к образному корню **bayb*, от которого образованы монг. *багвагар* ‘коренастый, приземистый, низкорослый’, *багвай-* ‘быть низкорослым’. В связи с тем, что в п.-монг. *nilbuqu altan baybur* определение *altan* ‘золотой’ стоит между *nilbuqu* и *baybur*, можно сделать вывод о том, что превращения их в сложное слово еще не произошло. В современном монгольском языке значение ‘плевательница’ манифестируется существительным *нулимур*, образованным от глагола *нулим-* ‘плевать’. Кит. 唾盒 *tuò hé* образовано от 唾 *tuò* ‘плевать’ и 盒 *hé* ‘коробка, шкатулка, ларец’. Согласно мнению О. Сүхбаатара, п.-монг. *qubing, quibing* ‘кувшин, кружка, сосуд’ [Kowalewski, 1844. Р. 2619] является китайизмом от *huǒpén* [Сүхбаатар, 1997. С. 201]. В связи с тем, что значение кит. 火盆 *huǒpén* ‘жаровня, мангал’ неприменимо к значению *qubing*, можно предположить, что образный корень *qub-* мог указывать на узкое горлышко сосуда. Учитывая высокую степень чередования звуков в образных корнях, его значение можно сопоставить со значением корня **um*, давшим монг. *умгар* ‘узкий, суживающийся, маленький – об отверстии’. П.-монг. *longhu* ‘глиняный кувшин; бутылка’ [Kowalewski, 1844. Р. 1967] восходит к образу ‘нечто пузатое’, воплощенному в монг. *лонхгор* ‘пузатый; кувшинообразный’, *лонхой-* ‘быть пузатым; быть кувшинообразным’.

П.-монг. *küjün-ü külis* состоит из *küji* ‘благоухание, курение’ [Kowalewski, 1844. P. 2619] и *külis* ‘кадильница, курильница, ладанка’ [Kowalewski, 1844. P. 2598], кит. 香炉 *xiānglú* – из 香 *xiāng* ‘благовоние, фимиам’ и 炉 *lú* ‘жаровня; курильница’. П.-монг. *küji* заимствовано из санскрита: *kuśa* ‘священная трава, используемая в определенных религиозных церемониях’ [Сүхбаатар, 1997. С. 203]. П.-монг. *küjün-ü baybur* ‘фиал для благовоний’ также содержит лексему *baybur* ‘ваза; чаша’ и *küji* ‘благоухание’. Китайское сложное слово 香盒 *xiānghé* образовано по тому же типу и состоит из двух существительных: 香 *xiāng* ‘благовоние, фимиам’ и 盒 *hé* ‘коробка, шкатулка’. Кадильница использовалась для сжигания благовоний, а фиал – для их хранения.

Примечательно, что в словаре О. М. Ковалевского п.-монг. *šükür, sikür* имеет значение ‘веник, метла’ [Kowalewski, 1844. P. 1544], монг. *шүхэр* ‘зонт; балдахин’. Г. Рамстедт приводит значение калм. *šükr* ‘зонт, используемый в религиозных праздничных процессиях’ и отмечает его неясное происхождение [Ramstedt, 1935. P. 370]. Определения *murui esitü* ‘с изогнутой ручкой’ и *siduryu esitü* ‘с прямой ручкой’ строго соответствуют кит. 曲柄 *qūbǐng* и 直柄 *zhíbǐng*. В п.-монг. *naran-u qalqabči* ‘ширма’ существительное *qalqabči* ‘ставни плетеные или решетчатые, заслона’ образовано от *qalqa* ‘щит, заслона’ [Kowalewski, 1844. P. 795].

П.-монг. *manjily-a* ‘шелковые висячие украшения, подвески’ [Kowalewski, 1844. P. 1976], монг. *манжлага* ‘1) тесьма, лента, бахрома; 2) подвески, привески’ образовано от корня **manj*, который также дал слово *манж* ‘разноцветные ленточки, скрученные в жгутик’, зафиксированное Г. Д. Санжеевым у дархатских шаманов. Как отмечает исследователь, жгуты «змеевики» длиной до 60 см разнообразных цветов называются *мөргөл манж* и служат для исполнения обряда *зальбарха* (просить духов о ниспослании счастливой жизни) [Санжеев, 1930. С. 60]. По предположению Л. С. Дампиловой, эти ленточки, символизирующие змей, используются шаманами как посредники между мирами. *Манж* помогает им видеть будущее, очищает от всего дурного, при этом каждый цвет ленточки-жгута имеет свое символическое значение, например, синяя олицетворяет защиту неба, зеленая – земли и т. д. Такие вещи, как головной убор и *манж* стирать нельзя, все атрибуты должны быть неприкосновенными [Дампилова, 2015. С. 339–340]. В «Бурятско-русском словаре» указано лишь буддийское значение слова *манжа* ‘чай для лам, иногда кушанье’ [Шагдаров, Черемисов, 2006. С. 538], которое заимствовано из тибетского языка: *tangja* ‘чай для многих’.

Также название шаманских жгутиков зафиксировано в форме *манжиг*, представленной в призывании дархатского шамана Б. Амгала: *Наян найман манжиганд нь / Намтар түүх нь өвлөөтэй, / Найман хар могойндонь, / Хараал жатга нь өвлөөтэй* [ПМА] ‘В его восьмидесяти восьми жгутиках / История его жизни хранится, / В восьми черных змеях / Заклинания его сокрыты’. Г. Н. Потанин, путешествуя по Северо-Западной Монголии, также отметил, что к онгонам в виде кукол пришиты жгутики с бахромой, которые хозяин юрты называет *маньяк* [Потанин, 1883. С. 95]. Относительно семантики корня **manj* можно предположить, что он передавал признаки ‘длинный, вытянутый’, которые сохранились в п.-монг. *manji* ‘быть тонким, тощим’ [Kowalewski, 1844. P. 1976], монг. *манжи-* ‘быть тонким, тощим’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001. С. 320]. Более четко эти признаки выражены в производных корня **unj*: монг. *унжгар* ‘висячий, свисающий’, *унжир* ‘что-либо висячее, висюлька’, *унжлага* ‘привески, висячие украшения, побрякушки; ленты’. Кит. 节 *jié* имеет значение ‘звено, отрезок, сегмент’.

Название посоха-булавы представлено двумя существительными: п.-монг. *mökülig* ‘шарик, кружок, крупинка, зернышко, ядро’ [Kowalewski, 1844. P. 2064], монг. *мөхлөг* ‘зерно, семя; шарик’ (в данном случае ‘навершие шаровидной формы’) и п.-монг. *sarqalji*. Лексема *sarqalji* не представлена ни в одном монголоязычном словаре. Китайский вариант 星 *xīng* означает ‘посох-булава (жезл личной охраны императора)’. Значение данного слова можно выявить на основе семантики однокоренных слов: монг. *сарай-* ‘торчать как вилы или рога’,

сарвай- ‘торчать’, *сарагчин* ‘столбик, шпиг на крыше часовни посреди обона’ и др., объединенных признаком ‘остроконечный, торчащий’.

Привлекают внимание названия парадного оружия почетного караула п.-монг. *bosyaγsan kemken bilayū* и *kebtēgūlūgsen kemken bilayū*, где *bosyaγsan* ‘вертикальный’ (от *bosya-* ‘ставить’, монг. *босоо*), *kebtēgūlūgsen* ‘горизонтальный’ (от *kebtēgūlū-* ‘укладывать’, монг. *хэвтээ*). Как видно, в языке монголов XVII в. значения ‘вертикальный’ и ‘горизонтальный’ выражались

в форме причастия прошедшего времени, в то время как ныне они установились в форме причастия настоящего-прошедшего времени. Лексема *kemke* не представлена в словаре О. М. Ковалевского, в словаре Ф. Лессинга указано: *kemke, kemeke* ‘небольшая тыква или бутылочная тыква; огурец’ [Lessing, 1960. Р. 451]. В современном халха-монгольском языке *хэмх* ‘огурец’, *хулуу хэмх*, *хулуу* ‘тыква’. Я. Цэвэл приводит определение *хэмх* ‘другое название арбуза’ [Цэвэл, 1966. С. 761], в «Большом толковом словаре монгольского языка» дано общее определение *хэмх* ‘общее название растений семейства тыквенных’¹.

Семантика корня **bil* в п.-монг. *bilayū* ‘палка, палица, дубинка, посох’ [Kowalewski, 1849. Р. 1141], монг. *бялуу* ‘булава, дубина’, на наш взгляд, связана с ударом. В монгольских языках функционируют провербы с гласным *i*: бур. *била сохи-* ‘(рас)плющить’, ойр. *bilib, bilīw* ‘вдеребзги’, давшие глаголы *bilbī-, bilwī-* ‘избивать, хлестать’, *biliblī-, bilīwlī-* ‘дробить, разбивать’, ойр. *biltsē darā-* ‘раздавить’ [БНМАУ дахь..., 1988. С. 94–97], ойр. *biltsīrī-* ‘раздробляться, разбиваться, раздавливаться’, калм. *билжл-*, ‘раздавить, сплющить’, мо. *бялцла-* ‘давить, раздавить, сплющить’, *бялцра-* ‘лопнуть, раздавиться, сплющиться’ и пр. Этимология п.-монг. *balta süke* ‘секира’ [Kowalewski, 1844. Р. 1079], монг. *балт*, бур. *балта*, калм. *балт* ‘балта, секира, топор’ нами была связана с провербом монг. *балба*, а также *балб-* ‘стучать, бить, ударять, колотить’ [Сундужева, 2017. С. 164]. Существительное *bilayū* опущено в китайских названиях этого оружия: 立瓜 *lì guā* ‘булава с удлиненным круглым набалдашником’ и 卧瓜 *wò guā* ‘посох с головкой в виде тыквы’. Они также имеют определения 立 *lì* ‘вертикальный; стоять’ и 卧 *wò* ‘горизонтальный; лежать’. Существительное 瓜 *guā* имеет значение ‘тыквенные растения’.

Сложные названия жезлов *учжан* и *хунчжан* содержат главный компонент на монгольском языке *sidem, siidem* ‘палка, дубинка’ [Kowalewski, 1849. Р. 1482], монг. *шуйдэм* ‘палка, дубинка’, который поясняется китайскими зависимыми компонентами 吾杖 *wú zhàng* и 红杖 *hóng zhàng*, где 杖 *zhàng* ‘посох, трость, палка’. Посох *учжан*, изготовленный из бронзы и позолоченный с двух концов, использовался как атрибут правителя со времен правления династии Хань. Первый компонент 吾 *wú*, очевидно, является второй частью другого названия посоха: 金吾 *jīnwú*, которое восходит к наименованию мифологической птицы, отводящей несчастье и указующей путь выхода. 金 *jīn* имеет значение ‘золотой’, 吾 *wú* ‘препятствовать, задерживать’. В названии 红杖 *hóng zhàng* прилагательное 红 *hóng* ‘красный’ указывает на цвет объекта.

П.-монг. *dam ildun* ‘большой меч’ [Kowalewski, 1844. Р. 1642], в «Большом академическом монгольско-русском словаре» дано значение *дам* ‘длинный’ только применительно к *дам илд* ‘большой меч с длинной рукоятью’ [Большой академический монгольско-русский словарь, 2001. С. 29]. Кит. 大刀 *dàdāo* имеет два значения: ‘большой нож’ и ‘алебарда на длинной рукояти’. П.-монг. *urtu serbegetü jida* мы перевели как ‘клевец’ на основе дословного перевода ‘копье с длинным зубцом’. Значение п.-монг. *jida* ‘копье, дротик, пика’ [Kowalewski, 1844. Р. 2341], монг. *жад* ‘метательное копье, пика’, на наш взгляд, коррелирует со значением образного корня **yod*, давшего монг. *ёдгор* ‘торчащий’, *ёдор* ‘длинный шест с флагами, на которых написаны молитвенные формулы; одинокое дерево в степи’ и др. Также допустимо, что семантика данного слова также связана с ударом, равно как в *bilayū* ‘булава’. Оно могло

¹ mongoltoli.mn/dictionary/detail/120147

произойти от преверба п.-монг. *jada* ‘на мелкие кусочки’ [Lessing, 1960. P. 1021], монг. *зад* ‘совершенно, вдребезги’ (*зад цохи* – ‘разбить вдребезги’). Кит. 长戟 *chángjǐ* состоит из прилагательного 长 *cháng* ‘длинный’ и 戟 *jǐ* ‘алебарда двузубая; цзи, древнее оружие, соединявшее в себе клевец и пику: длинное древко с топорovidным лезвием, заканчивавшееся заостренным наконечником’.

П.-монг. *sayadaγ* ‘сайдак, колчан’ [Kowalewski, 1849. P. 1294] в тексте китайского памятника представлен в транслитерированной с монгольского языка форме 撒带 *sā dài*. По предположению Г. Рамстедта, произошло от глагола *saga-* ‘натягивать’ [Ramstedt, 1935. P. 317]. В. И. Рассадин возводит данное слово и монг. *sayali* ‘самострел’ к общей производящей основе **saya-*, от которой также происходит *sayad* ‘препятствие’. Исследователь исходит из того, что все три значения связаны с препятствием: самострел – это препятствие в виде сторожевой нити, натянутой поперек звериной тропы. Колчан для стрел – это не просто коробка для вкладывания стрел, а коробка с туго натянутыми внутри поперечными жгутами, которые удерживали помещенные между ними стрелы. Сам же корень **saya-* сопоставляется им с древнетюркской основой **saq-*, вычленяемой из др.-тюрк. *saqla-* ‘сохранять’, *saqčī* ‘сторож’ [Рассадин, 1987. С. 7]. Тюрк. *сагдақ* ‘колчан; ножны; лук со всеми принадлежностями; стрела’ относят к заимствованиям из монгольских языков в связи со следующими фактами: а) позднее появление слова в тюркских памятниках; б) сохранение в якутской форме начального *с-*; в) распространение слова в монгольских языках; г) возможность этимологизации слова на монгольской почве [Этимологический словарь тюркских языков, 2003. С. 150].

Представляется возможным предложить версию происхождения данного слова от предполагаемого преверба **saya*. Его значение могло быть близко значению преверба *суа*, выражающего резкое движение для выхватывания чего-либо, в данном случае стрел из колчана: *суга тат* – ‘выдернуть, выхватить, вытащить, вытянуть’. Подобная пара с чередованием гласных *а / и* представлена превербами *qaya* // *quya*, обозначающими раскалывающее, раздробляющее действие. Словообразовательный суффикс *-day / -deg* присоединяется к превербу *ketke*, образуя существительное *хэмхдэг* ‘что-либо размоленное’. Также он активно образует новые слова от образных основ: *зулбадаг* ‘каракульча’, *наартаг* ‘унты’, *сармидаг* ‘летний сухой помет’, *холхиндог* ‘что-либо свободное’, *елхэндэг* ‘полюнь’, *хэнхдэг* ‘грудь; шейная ямка’, *нахидаг* ‘седловина между гор’, *сарьдаг* ‘голец’ и др.

От этого же преверба, возможно, образовано п.-монг. *sayaldurγa* ‘подстежка у шапки или узды’ [Kowalewski, 1849. P. 1296], монг. *сагалдарга* ‘застежка; завязка, петля, шнурок’, поскольку семантика этого слова также связано с мгновенным действием срывания, внимания. Монг. *сугалдрага(н)* ‘с вынутой из рукава рукой’, очевидно, восходит к *суга* ‘подмышечная впадина, подмышка’. В бурятском языке зафиксирован лишь глагол *хугалдаргал* – ‘вынуть руку из рукава дэгэла’ [Шагдаров, Черемисов, 2008. С. 564].

В «Монгол хэлний их тайлбар толь» зафиксированы две формы *сугалдар* и *сугалдарга*, употребляющиеся в паре с прилагательным *сувай* ‘яловый, нестельный (о скоте)’². Наличие формы *suγaldar* проливает свет на морфологическую структуру слова *suγaldurγa*. Присоединение словообразовательного суффикса *-dar* к исходному корню *суа* повлекло за собой наращивание согласного *n* (как, например, в монг. *зууванцар*), который под влиянием первого согласного суффикса заменился на *l*. Подобное чередование можно наблюдать в слове *tegülder* ‘полный, совершенный’: **teg + -n / -l + -dür*. Корень **teg / *tög* дал существительное *tügürig* ‘круг, кружок’. Значения полноты и совершенства также связаны с кругом. Что касается конечного форманта *-γa* в *suγaldurγa*, то можно предположить, что это либо непосредственно суффикс *-γa*, либо *-rγa*, в котором начальный согласный *r* выпал в результате наложения морфов. С помощью суффикса *-rγa* образованы такие существительные, как *багсарга* ‘смесь, тесто’, *бэгцэргэ* ‘сова’, *гударга* ‘фальц, загиб’, *навсарга* ‘лохмотья’, *сагсарга* ‘замерзающая корка льда, наст’, *субарга* ‘надгробная пирамида’ и пр. Таким образом, мор-

² mongoltoli.mn/dictionary/detail/79091

фологическая структура слова *suγaldurγa* может быть представлена следующим образом: *suγa* + *-n* / *-l* + *-dur* + *-(r)γa*. Сложный суффикс *-durγa* / *-derge* образует ряд слов в монгольском языке: *сэгэлдрэг* ‘петля, шнурок’, *эгэлдрэг* ‘повязка’, *бөгөлдөргө* ‘петля у ручки кнута, нагайки’, *хөмөлдөргө* ‘нагрудный ремень у лошади’. Общая семантика данных лексем, равно как и монг. *сагалдарга* ‘застежка; завязка, петля, шнурок’, позволяет предположить, что их корни **saγ*, **seg*, **eg*, **böγ*, а также **kōm* объединены признаком ‘круглый’.

Наконец, два обозначения знамен разных размеров п.-монг. *туγ* ‘знамя’ ‘флаг, штандарт, знамя’ [Lessing, 1960. P. 838], монг. *туγ* ‘знамя’, и п.-монг. *kikiri* ‘штандарт, небольшое знамя’ [Kowalewski, 1844. P. 2545], монг. *хийр*, *хиур* ‘флажок’, вероятно, имеют звукоподражательное происхождение. Так, знамя могло быть названо по звуку, издаваемому его полотнищем, развевающимся на ветру в бескрайней степи (*туγ-туγ-туγ*). Звуковой облик *хийр*, *хиур* напоминает скрип, равно как в названии струнного смычкового музыкального инструмента п.-монг. *kikili* ‘скрипка, гудок’ [Kowalewski, 1844. P. 2545], монг. *хийр* ‘скрипка’.

Также перечень атрибутов эскорта включает названия 15 музыкальных инструментов, включающих различные виды гонгов, барабанов, флейт и пр. Все предметы делятся на пять блоков, на каждый из которых отведено определенное количество людей. В указе также особо обозначены цвет и тип одежды для этих людей в зависимости от времени года. Так, люди, держащие мухогонки, должны быть одеты в зеленые кафтаны с желтыми поясами и черные войлочные шапки с латунным наверхушем и желтым пером. В целом для всей церемонии требовалось 270 человек, из которых 84 были музыкантами [Dayiǰing..., 2013. P. 149].

Заключение

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что большая часть рассмотренной лексики относится к исконно монгольским словам, имеющим образное и звукоподражательное происхождение. Так, наименования таких предметов материальной культуры, как *sarqalji* ‘посох-булава’, *jida* ‘копье’ отсылают к образу ‘нечто остроконечное’, *baybur* ‘чаша’ к образу ‘нечто приземистое’, *longqu* ‘бутылка’ к образу ‘нечто пузатое’, *qubing* ‘кувшин’ к образу ‘нечто узкое (о горлышке)’, *manjilya* ‘бахрома’ к образу ‘нечто длинное, висящее’. При номинации данных реалий решающую роль играло зрительное восприятие их формы. Некоторые слова образованы от провербов, употребляющихся с некоторыми глаголами и изменяющих их значение, что сближает их с русскими глагольными приставками. П.-монг. *bilayu* ‘булава’ связано с п.-монг. **bila* [čoki-] ‘расплющить’, *sayaday* ‘колчан’, вероятно, связано с **saγa* [tata-] ‘выхватывать’. Номинация *туγ* ‘знамя’ произошла на основе слухового восприятия развевающегося флага. Изучение данного пласта лексики, безусловно, позволяет пролить свет на элементы мировоззрения монголов в той сфере, где содержатся сведения о предметах материального мира, созданных человеком для проведения церемониальных действий и практического применения в быту.

Список литературы

- Дампилова Л. С. Мифологическая символика змеи в шаманских текстах ойратов и других монгольских народов // Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл: олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Улаанбаатар: Ган принт, 2015. С. 335–341.
- Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Рассадин В. И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках: Сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО РАН, 1987. С. 3–20.
- Санжеев Г. Д. Дархатский говор и фольклор. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 112 с.

- Сундуева Е. В.** Превербь с корневым согласным / в монгольских языках // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 163–169.
- Daičing ulus-un mongγul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel [Truthful record about the Mongols of Qing Empire]. Hoh-hot, Inner Mongolian education Publ., 2013, vol. 1, 1236 p. (in Mong.)

Список словарей

- Большой академический монгольско-русский словарь / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2. 536 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.** Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. 1. 636 с.; 2008. Т. 2. 708 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит. РАН, 2003. 443 с.
- БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг [Dialect dictionary of Mongolian language of Mongolian People's Republic]. Oirad dialect. Ulaanbaatar, 1988, vol. 2. 943 p. (in Mong.)
- Сүхбаатар О.** Монгол хэлний харь үгийн толь [Mongolian dictionary of foreign words]. Ulaanbaatar, Admon company Publ., 1997, 234 p. (in Mong.)
- Цэвэл Я.** Монгол хэлний товч тайлбар толь [Explanatory dictionary of Mongolian language]. Ulaanbaatar, 1966, 911 p. (in Mong.)
- Kowalewski J. E.** Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan, Imprimerie de l'Université, 1849, vol. 1–3, 2690 p.
- Lessing F. D.** Mongolian-English dictionary. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1960, 1217 p.
- Ramstedt G. J.** Kalmukishes Wörterbuch. Helsinki, 1935, 560 p.

Список сокращений

- бур. – бурятский
 калм. – калмыцкий
 кит. – китайский
 монг. – халха-монгольский
 ойр. – ойратский
 п.-монг. – старописьменный монгольский

References

- Dampilova, L. S.** Mythological semantics of the snake in shamanic texts of the Oirads and other Mongolian people. In: Oirad studies: origin, language, culture: proceedings of international scientific conference. Ulaanbaatar, Gan print Publ., 2015, p. 335–341. (in Russ.)
- Zhukovskaya, N. L.** Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolics. Moscow, Vost. lit. Publ., 2002, 247 p. (in Russ.)
- Potanin, G. N.** Sketches of the North-Western Mongolia. St. Petersburg, 1883, iss. 1: Ethnographic materials, 1026 p. (in Russ.)
- Rassadin, V. I.** Trade lexis in dialect of the Oka Buryats. In: Dialectal lexis in Mongolian languages: collection of articles. Ulan-Ude, BF SB RAS Publ., 1987, p. 3–20. (in Russ.)
- Sanzheev, G. D.** Darhat dialect and folklore. Leningrad, AS USSR Publ., 1931, 112 p. (in Russ.)
- Sundueva, E. V.** Preverbs with root consonant / in Mongolic languages. *Humanitarian vector*, 2017, vol. 12, no. 2, p. 163–169. (in Russ.)
- Daičing ulus-un mongγul-un mayad qauli. Nigedüger emkitgel [Truthful record about the Mongols of Qing Empire]. Hoh-hot, Inner Mongolian education Publ., 2013, vol. 1, 1236 p. (in Mong.)

List of Dictionaries

- Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Interturkic Stems Starting with Letter "L", "M", "N", "P", "S". Moscow, Vostochnaya literature RAN Publ., 2000, 476 p. (in Rus.)
- Kowalewski J. E.** Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan, Imprimerie de l'Université, 1849, vol. 1–3, 2690 p.
- Lessing F. D.** Mongolian-English dictionary. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1960, 1217 p.
- Ramstedt G. J.** Kalmukishes Wörterbuch. Helsinki, 1935, 560 p.
- Shagdarov, L. D., Cheremisov K. M.** Buryat-Russian dictionary. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2006, vol. 1, 636 p.; 2008, vol. 2, 708 p. (in Russ.)
- Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. G. C. Pyurbeev (ed.). Moscow, Academia Publ., 2001, vol. 2, 536 p. (in Russ.)
- БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг [Dialect dictionary of Mongolian language of Mongolian People's Republic]. Oirad dialect. Ulaanbaatar, 1988, vol. 2. 943 p. (in Mong.)
- Сүхбаатар О.** Монгол хэлний харь үгийн толь [Mongolian dictionary of foreign words]. Ulaanbaatar, Admon company Publ., 1997, 234 p. (in Mong.)
- Цэвэл Я.** Монгол хэлний товч тайлбар толь [Explanatory dictionary of Mongolian language]. Ulaanbaatar, 1966, 911 p. (in Mong.)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

01.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Сундueva Екатерина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670042, Россия)

Ekaterina V. Sundueva, Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670042, Russian Federation)

sundueva@mail.ru

ORCID 0000-0003-2299-3384